

И буду жить в своём народе!

Судьба поэзии Николая Рубцова способна поразить воображение.

При жизни его имя было дорого лишь узкому кругу ценителей поэзии. Даже в среде профессиональных литераторов реальную ценность его творчества осознавали очень немногие. Но начиная с середины 70-х годов за предельно краткий срок поэзия Николая Рубцова обрела поистине всенародное признание.

Особенно удивителен даже не сам по себе стремительный рост славы поэта, а тот факт, что росла она как бы совершенно стихийно, по сути дела, без участия средств массовой информации, словно движимая не зависящей от людей природной силой.

Именно благодаря этому слава Николая Рубцова и поныне сохраняет столь редкостный характер задушевности и целомудрия: она не блистает, не ослепляет, но поднимается над нами, как живительный свет зари, проникающий в сокровенную глубину нашей духовной жизни.

*«Я улыву на пароходе,
Потом поеду на подводе,
Потом ещё на чем-то вроде,
Потом верхом, потом пешком*

Пройду по волоку

с мешком –

И буду жить в своём народе!»

И если всерьёз разобраться в существо дела, рост славы Николая Рубцова обусловлен прежде всего духовным ростом миллионов читателей – то есть в конечном счёте целого народа.

Поэзия Николая Рубцова, законного наследника классических традиций и вместе с тем нашего современника, предстаёт как доступный всем и каждому путь к отечественной поэзии в её полном объёме.

В самом зените своего пути Николай Рубцов сказал, вернее, сотворил, как нечто неопровержимое, общеизвестные ныне строки:

Перед всем старинным

Белым светом

Я клянусь,

Душа моя чиста...

И это было одним из неотъемлемых условий его поэтического подвига.

Вадим Кожин.

(1930–2001)

Николай Рубцов РУССКИЙ ОГОНЁК

1.

Погружены в томительный мороз,
Вокруг меня снега оцепенели!
Оцепенели маленькие ели,
И было небо тёмное – без звёзд.
Какая глушь! Я был один живой,
Один живой в бескрайнем мёртвом поле!
Вдруг тихий свет – пригрезившийся, что ли?
Мелькнул в пустыне, как сторожевой...
Я был совсем как снежный человек,
Входя в избу, – последняя надежда! –
И услышал, отряхивая снег:
– Вот печь для вас... И тёплая одежда...
Потом хозяйка слушала меня,
Но в тусклом взгляде жизни было мало,
И, неподвижно сидя у огня,
Она совсем, казалось, задремала...

2.

Как много жёлтых снимков на Руси
В такой простой и бережной оправе!
И вдруг открылся мне и поразил
Сиротский смысл семейных фотографий!
Огнём, враждой земля полным-полна,

И близких всех душа не позабудет...

– Скажи, родимый, будет ли война?

И я сказал:

– Наверное, не будет.

– Дай Бог, дай Бог... Ведь всем не угодишь,
А от раздора пользы не прибудет...

И вдруг опять:

— Не будет, говоришь?

– Нет, – говорю, – наверное, не будет!

– Дай Бог, дай Бог...

И долго на меня

Она смотрела, как глухонемая,

И, головы седой не поднимая,

Опять сидела тихо у огня.

Что снилось ей? Весь этот белый свет,

Быть может, встал пред нею

в то мгновенье?

Но я глухим брэнчанием монет

Прервал ее старинные виденья.

– Господь с тобой! Мы денег не берём.

– Что ж, – говорю, – желаю вам здоровья!

За всё добро расплатимся добром,

За всю любовь расплатимся любовью...

Спасибо, скромный русский огонёк,
 За то, что ты в предчувствии тревожном
 Горишь для тех, кто в поле бездорожном
 От всех друзей отчаянно далёк;
 За то, что, с доброй верою дружа,
 Среди тревог великих и разбоя
 Горишь, горишь, как добрая душа,
 Горишь во мгле, и нет тебе покоя...



ШУМИТ КАТУНЬ

В. Астафьеву

...Как я подолгу слушал этот шум,
 Когда во мгле горел закатный пламень!
 Лицом к реке садился я на камень
 И всё глядел, задумчив и угрюм,
 Как мимо башен, идолов, гробниц
 Катунь неслась широкою лавиной,
 И кто-то древней клинописью птиц
 Записывал напев ее былинный...

Катунь, Катунь – свирепая река!
 Поёт она таинственные мифы
 О том, как шли воинственные скифы, –
 Они топтали эти берега!
 И Чингисхана сумрачная тень
 Над целым миром солнце затмевала,
 И чёрный дым летел за перевалы
 К стоянкам светлых русских деревень...

Всё поглотил столетий тёмный зев!
 И всё в просторе сказочно-огнистом
 Бежит Катунь с рыданием и свистом –
 Она не может успокоить гнев!
 В горах погаснет солнечный июнь,
 Заснут во мгле печальные айлы,
 Молчат цветы, безмолвствуют могилы,
 И только слышно, как шумит Катунь...

ПОЕЗД

Поезд мчался с грохотом и воем,
 Поезд мчался с лязганьем и свистом,
 И ему навстречу жёлтым роєм
 Понеслись огни в просторе мгlistом.

Поезд мчался с полным напряженьем
 Мощных сил, уму непостижимых,
 Перед самым, может быть, крушеньем
 Посреди миров несокрушимых.

Поезд мчался с прежним напряженьем
 Где-то в самых дебрях мироздания,
 Перед самым, может быть, крушеньем,
 Посреди явлений без названья...

Вот он, глазом огненным сверкая,
 Вылетает... Дай дорогу, пеший!
 На разъезде где-то, у сарая,
 Подхватил меня, понёс меня, как леший!

Вместе с ним и я в просторе мгlistом
 Уж не смею мыслить о покое, –
 Мчусь куда-то с лязганьем и свистом,
 Мчусь куда-то с грохотом и воем.

Мчусь куда-то с полным напряженьем
 Я, как есть, загадка мироздания.
 Перед самым, может быть, крушеньем
 Я кричу кому-то: «До свиданья!...».

Но довольно! Быстрое движенье
 Всё смелее в мире год от году,
 И какое может быть крушенье,
 Если столько в поезде народу?

ВОРОБЕЙ

Чуть живой.
 Не чирикает даже.
 Замерзает совсем воробей.
 Как заметит подводу с поклажей,
 Из-под крыши бросается к ней!
 И дрожит он над зёрнышком бедным,
 И летит к чердаку своему.
 А гляди – не становится вредным
 Оттого, что так трудно ему...

